

УДК 1:3 + 177.5

ОБРАЗ «ГЕРОИЧЕСКОГО» В ЦЕННОСТНОМ ФОРМИРОВАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭЛИТЫ

Миронов А. В.

*Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Российская Федерация.*

E-mail: andreymironov@gmail.com

В статье рассматривается аксиологический механизм формирования убеждений революционной элиты. Анализ художественных произведений позволяет выделить основные ценностные положения в контексте исторических перемен в России в конце XIX – начале XX веков. Образ «героического» представляется как фундаментальный принцип революционного мировоззрения, раскрывающий отношения между личностью и государством. Корпоративное сознание оппозиционной среды определяет набор литературных произведений, герои которых воспринимаются как эталон для поведенческого подражания. Направленность личностной реализации совпадает с духовными принципами, представленными в популярной на тот момент литературе, и формирует критерии «героического» в общественном сознании. Акцент делается на специфике ценностной ориентации в революционной среде.

Ключевые слова: ценности, революционная элита, героическое, гражданское противостояние, литературные образы, нигилизм.

Октябрьские события 1917 года, изменившие ход мировой истории, предоставляют возможность увидеть прошлое в настоящем, соотнести политические, социальные, экономические трансформации, происходившие в России сто лет назад, и актуальные проблемы на сегодня. Внутренние сложности развития российского общества и усиливающиеся внешние вызовы XXI века активизируют борьбу элит за право определять векторы дальнейшего государственного и общественного движения. Важной составляющей этого процесса является ценностная ориентация, присущая различным политическим группам, в зависимости от которой формируется характер конфликта, мотивация участников, допустимые средства в достижении поставленных целей. В понимании ее истоков, генезиса становления, обстоятельств, оказавших влияние на формирование ценностных моделей поведения, существенную помощь оказывает исследование аксиологического механизма формирования революционной элиты в России в конце XIX века – начале XX столетия. Опираясь на исторические аналогии, в современном обществе можно прогнозировать возможные результаты социального противостояния, искать компромиссы, смягчать негативные последствия. Правильно выбранная интерпретация аксиологических образов в их

взаимосвязи с исторической реальностью позволяет обоснованно предполагать направленность социального процесса, отвечающего настроениям, сложившимся в определенных группах, претендующих на политическую власть. Выделение основополагающих принципов отношения к государству, социуму, отдельной личности, собственной жизни раскрывает мировоззренческую сущность сообщества и его лидеров, призывающих к кардинальной трансформации общественной системы. В статье используется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий проследить особенности изменения ценностных ориентиров в социальных сообществах. Материалом исследования являются произведения художественной и мемуарной литературы, отражающие эмоциональное восприятие российской действительности в конце XIX – начале XX веков, представляющие набор значимых образов, оказавших воздействие на становление мировоззренческих принципов будущих революционеров. Акцент делается на литературные произведения, популярные в среде просвещенной интеллигенции, выходящие из которой составляли подавляющее большинство политических партий, принявших активное участие в революционных событиях 1917 года и последующей гражданской войне. Под понятием «революционные элиты» здесь подразумевается группа людей, претендующих на политическое руководство путем фундаментального реформирования государственной системы, мотивируемая к действию в соответствии с новыми представлениями об общественной справедливости, о роли гражданина в социуме, о распределении материальных благ. Группа позиционирует себя в качестве обладающей абсолютным знанием об истинном переустройстве общества.

Данные положения должны были изменить отношение человека к собственности, религиозным убеждениям, семье, общественному долгу и тем самым сформировать качественно иную социальную общность. В этом контексте меняется понимание предназначения собственной жизни, ее целей и возможностей, как следствие, меняется восприятие ценности другого, его права на существование. На переломе веков в России сложилось целое поколение, допускавшее физическое насилие по отношению к соотечественникам в качестве средства достижения новых социальных идеалов, что свидетельствует о появлении ценностной альтернативы традиционным представлениям о нерушимости человеческого бытия. Русская литература отражала становление мировоззренческих позиций различных социальных групп. Содержание сюжетов, художественных образов, идейных установок отвечало актуальной общественной проблематике и формировало тенденцию личностной коммуникации, основой которой являлась общая модель мировосприятия. Эмоциональные переживания, вызванные прочитанным, определяли отношение человека к самому себе, другому, религии, государству, побуждали к гражданской деятельности, актуализировали новые поведенческие эталоны. Образ «героического», широко представленный в литературе того времени, раскрывал принципы патриотизма, служения, самопожертвования. В зависимости от его идейной наполненности варьировалась мотивация поступков, целевое предназначение жизни, мера ответственности перед сообществом.

Романтическая компонента идеализировала подвиг, соотнося его с благородством помыслов, возвышенностью личности. Общественное мнение под воздействием исторических факторов изменяло сферы приложения человеческой доблести. Привлекательность героики, популярность лиц, обладающих этим качеством, возможность проявить себя представляли потенциальную социальную опасность в тех случаях, когда в стремлении к этой героике утрачивались границы моральных предписаний, подменявшиеся политической целесообразностью. Многочисленные войны, в которых принимала участие Российская империя в первой половине XIX века (вооруженные конфликты с Францией, Ираном, Турцией, Швецией, с антироссийской коалицией в Крымской войне – за 60 лет Россия приняла участие более чем в десяти войнах), нашли свое отражение в художественной литературе и закрепили в сознании читающей публики феномен героического в его связи с военной службой и военным сословием. Дворянство, представлявшее правящую элиту, воспринимало ратную службу не только как социальный статус, но и наделяло носившего военный мундир офицера личной смелостью, мужеством. Начиная с «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, где герои оставались верны присяге перед лицом смерти, романы об Отечественной войне 1812 года, Крымской компании 1854–1855 годов продолжали традицию «героического» (М. Н. Загоскин «Юрий Милославский, или Русские в 1812 году», Г. П. Данилевский «Сожженная Москва», Н. Дурова «Записки кавалерист-девицы», Н. Ф. Глинка «Записки о 1812» и т. д.). В общественном сознании закреплялся стандарт ценностного подражания литературным персонажам, в котором честь и исполнение долга неразрывно связаны с государем, престолом и Отечеством как единым понятием. Романтические сцены битв и сражений вытесняли образы жертв войны, трансформируя их в обезличенные фигуры внешних врагов, а готовность умереть за Родину являлась одним из фактов принадлежности к военному сословию. Молодое поколение воспринимало смерть в бою как естественный исход, присущий дворянину, находя его благородным завершением достойной жизни; поэтому вопрос самопожертвования и героизма целиком совпадал с предлагаемой официальной литературой схемой поведения. Эта традиция просуществовала до 1917 года и была востребована верноподданнической частью российского общества, получившей продолжение в гражданском противостоянии. Вторая половина XIX века в России ознаменовалась трансформацией внешних конфликтов во внутренние противоречия (империя за пятьдесят лет участвовала только в русско-турецкой войне), связанные с коренным переустройством общественной системы. Реформы Александра II в 1860-е и 1870-е гг. расширили личностные права, создали условия для индивидуальной реализации и предоставили образовательные возможности. Результатом реформ стало появление новой социальной группы – интеллигенции, свободной от прежних сословных обязанностей и предрассудков, ориентированной на демократическое переустройство государства. Прежние ценностные эталоны утратили свое значение, так как произошла кардинальная реконструкция общественного идеала в рамках вновь сформировавшегося социального сообщества. «В прошлом – далеком и недавнем – они видели только позор и не желали слышать

ни о какой преимственности с минувшим. В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда сопровождалось прилагательным «позорное», былое представлялось только постыдным» [1, с. 194]. Чувство вины представителей интеллигенции обуславливалось дисбалансом материального, культурного и образовательного уровней между ними и основной массой населения. Принцип «вернуть долг народу» становится основной мотивацией поведения благородного гражданина (только при наличии данного порыва он может претендовать на этот статус), что совпадало с идейной наполненностью литературных произведений.

Ценностный каркас мировосприятия представителей общественного движения скрепляется новой «героикой», отождествляемой со служением обездоленным. В силу того, что атеизм являлся составляющей прогрессивного мировоззрения, отвергающего Священное Писание в качестве наставления к достойным поступкам, потребовался новый «учебник жизни». Таковым становится литература, принявшая на себя роль «коллективной совести», формирующей духовные устремления читателей. Ряд художественных произведений выступает в качестве критерия моральной порядочности – в зависимости от признания или отрицания читающей публикой их идейного содержания (Н. Г. Чернышевский «Что делать», Г. И. Успенский «Рассказы», А. Ф. Писемский «Взбаламученное море», Н. С. Лесков «На ножах»). Декларируемая в них потенциальная готовность героев к материальным лишениям, тяжелому труду, утрате свободы, сопротивлению государству и его представителям создавали предпосылки к нигилизму как форме отстаивания социальной справедливости, выбор которого становился закономерным итогом размышлений человека, решившегося посвятить себя борьбе за народное счастье.

В романе «Что делать?», ставшим отправной точкой для многих, ушедших в террор революционеров, героика раскрывается в противостоянии с косной обыденностью. Противостояние с консервативными стереотипами (окружающее общество аксиоматически признавалось консервативным) требовало проявления твердости в установлении гражданских принципов, изживании мещанского эгоизма, в моральном самосовершенствовании. Н. Г. Чернышевский предлагал новый тип отношений мужчины и женщины, хозяина и работника, детей и родителей. Несогласие с привычным укладом воспитывало повседневное мужество самоутверждения личности, так как в этот конфликт вовлекались родные, друзья, знакомые. В тексте прослеживается сознательная демаркация на «своих», ассоциирующихся с понятиями новаторства, прогресса, демократизма, и «чужих», выступающих защитниками ретроградства. Следствием этого процесса стало оформление качественно новой модели ценностей, в которой моральные нормы должны были получить политическое обоснование. Независимость взглядов, особенно в тех случаях, когда они носили эпатажный характер, проявлялась в неприятии традиционных нравственных установок, опиравшихся на христианские принципы, что рассматривалось обществом в качестве «героического» волеизъявления и заслуживало восхищения демократической публики. Герой рассматриваемого романа, «особенный человек» Рахметов, наделен качествами

аскетизма и ригоризма, которые станут со временем моральным фундаментом профессионального революционера. «Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, – мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности» [2, с. 259]. Следуя этой логике, индивидуальное подчинялось коллективному, не оставляя возможностей для самостоятельного осмысления реальности и конструирования личной моральной позиции.

Институт земской деятельности, учрежденный государством, был воспринят образованной частью российского общества как способ служения народу. Он основывался на принципах подвижничества в форме социальной взаимопомощи между сословиями. Стремление к жертвенности во имя другого, исполнение профессионального долга, а также вера в просветительство как средство избавления от бедности и невежества трактовались как героический акт и становились неоспоримым доказательством гражданского мужества личности. «Мечтал об уездном городе – он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае, не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да и временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь для этого я учился на медицинском факультете» [3, С. 16]. Ценности милосердия, использование полученных знаний по прямому назначению – на помощь нуждающимся в них – сформировали традицию, свободную от политических принципов, основанную на уважении к личности, независимо от происхождения, уровня знаний, материального достатка. Они в максимальной мере были представлены в творчестве А. П. Чехова и на десятилетия стали неотъемлемой частью образа жизни русской интеллигенции, но не получили признания той ее части, которая отвергала эволюционный путь социального переустройства.

Особенной привлекательностью в молодежной среде пользовались исполнители приговоров «Народной воли», осуществлявшие насилие над царскими сановниками, жандармами, провокаторами. Студентам и ученикам старших классов гимназий они представлялись воплощением идеальных героев, «рыцарями» народного освобождения. Среди представителей радикального крыла встречались и те, кто совмещал террористическую деятельность с литературным творчеством. Романы С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», «Домик на Волге» на долгие годы определили образ подлинного революционера и кодекс поведения того, кто решил посвятить себя борьбе с угнетателями. Преданность общему делу – качество, распространявшееся на все сферы жизнедеятельности, с помощью которого идентифицировались подлинные чувства индивида. Замкнутость коммуникационных контактов пределами своего круга возводила данную ценностную категорию в статус основного регулятора межличностных отношений, на ее основе устанавливались дружеские, любовные, семейные связи. Сосредоточенность на профессии, романтическая увлеченность, стремление к комфорту трактовались как отступничество, равносильное предательству,

отнимающему силы и энергию, принадлежащие общему делу. Преданность генерировала готовность к жертвенности и решимость достичь цели любыми средствами. «Нет, нам не дадут свободы в награду за примерное поведение. Мы должны бороться за нее всяким оружием. Если при этом нам придется страдать – тем лучше! Наши страдания будут новым оружием в наших руках. Пусть нас вешают, пусть нас расстреливают, пусть нас убивают в одиночных камерах! Чем больше нас будут мучить, тем больше будет расти число наших последователей» [4, с. 265]. Фанатичную убежденность революционера можно рассматривать как однолинейность развития, диктуемую убежденностью во враждебности социального мира, чему способствовал набор абстрактных схем (народ забит и невежествен, все чиновники – казнокрады и обскуранты, офицеры – тупые «солдафоны», нигилисты – «лучшие люди человечества»).

Однако революционер, свободно соглашаясь с таким убеждением, лишался права выбора и становился функцией соответствия партийной линии. Сомнения исключались логикой подпольной борьбы, в которой не оставалось места компромиссам. Член организации, поставивший под вопрос правомерность общих принципов, оказывался потенциальной угрозой единству партийного сообщества и его деятельности. Общая позиция порождала догматизм и нетерпимость к иному мнению, что возводилось в абсолютную ценность как доказательство максимальной готовности выполнить волю партии, которая во многих случаях не совпадала с общепринятыми моральными положениями. Жертвы террора не удостоивались сочувствием, его заслуживали за свои страдания только нигилисты. Данная установка приводила к двойственности нравственных стандартов, лишая «чужих» права определять и иметь моральные ценности. После событий 1 марта 1881 года правительству удалось справиться с террористической революционной волной. Деятельность образованной части общества перемещается в экономическую сферу, чему способствовала наступившая во времена правления Александра III социальная стабильность. Ограниченность самореализации индивида профессиональными рамками инициирует распространение атмосферы скуки и неудовлетворенности жизнью. Молодое поколение русской интеллигенции не имело возможности найти в повседневности ни прежних воодушевляющих идеалов, ни духовных горизонтов; его вероятностные коллизии замыкались между потенциальной чиновничьей службой и перспективой обогащения. Традиционные ценности отвергаются в силу наступившей моды на пресыщенность, утомленности жизнью, равнодушия к моральным проблемам и бытовому нигилизму. «Постепенно начиналась скептическая критика «значения личности в процессе творчества истории... Люди быстро умнели и, соглашаясь со Спенсером, что “из свинцовых инстинктов не выработаешь золотого поведения”, сосредотачивали силы и таланты свои на «самопознании», вопросах индивидуального бытия, быстро подвигаясь к принятию лозунга «Наше время – не время широких задач» [5, с. 45]. Индивидуалистические настроения способствовали появлению новых представлений о героях и «героическом», оторванных от коллективного ракурса общезначимых целей. Эмоциональные переживания, личностная свобода, нюансы отношений с

окружающим миром становятся основными темами литературного творчества. Экзистенциалы мыслящей личности (под ней подразумевался отстраненный от действительности индивид): одиночество, смерть, тоска и неверие модифицируют ценностную совокупность в асоциальную парадигму отношений с обществом. Позиционирование себя в статусе абсолютной самооценности получало продолжение в отрицании знаковых моральных положений (благоговение перед жизнью, уважение к собственности, значимость иного мнения). Декадентская литература, популярная в России на рубеже веков, культивировала ницшеанские максимы о сверхчеловеке, выбравшем путь имморализма и богоборчества. Такая трактовка предназначения личности представлялась как изысканность, нетривиальность развития. «Героическое» наполнялось новым содержанием отрицания, трансформируя смыслы его воплощения. Желание выделиться в молодежной среде приобретало характер патологического самовыражения от суицидальности до осознанного убийства. «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности... Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности! Этому учили модные писатели, возникшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными» [6, с. 9]. Подпольная деятельность, индивидуальный террор, участие в экспроприациях возводили революционера в статус избранного, наделяли ореолом таинственности и привлекательности. Риск, постоянные опасности, угроза казни или каторжного заключения повышали самооценку индивида и перестраивали его сознание. Самодостаточность этих факторов во многом вытесняла идеологическую подоплеку действий, оставляя формальную риторику. Ситуации, требующие пренебрежения жизнью – как своей, так и других, – освобождали от обычных моральных ограничений и, как следствие, предоставляли основания для выработки новых ценностных стереотипов. Героем становился тот, кто способен переступить через общепринятые пределы, этому учила модная литература, как ни странно, совпадавшая с идейной составляющей террористической деятельности (прежде всего социалистов-революционеров). Нацеленность революционной элиты на деструкцию государства и современной общественной системы оборачивалась деструкцией личности, принимавшей в этом участие. Труд, стремление к овладению знаниями, семейные привязанности, профессиональное совершенствование подчинялись абстрактным партийным истинам. Из «героического» удалялись патриотизм, социальное подвижничество, гуманистическое служение. Таким образом, милосердие, сострадание, помощь отдельному человеку оказывались вне ценностного каркаса революционеров, оперирующих исключительно категориями всеобщего. В модных произведениях насилие описывалось с особенной привлекательностью, волнующей чувства (М. Арцыбашев «Санин», Л. Андреев «Бездна»). Жесткий индивидуализм, проповедуемый в литературе, совпадал с тенденциями террористического направления у эсеров, анархистов, социал-демократов, выделявших данную деятельность в особую сферу, представленную

наиболее преданными и мужественными (с точки зрения партии) представителями движения. В партийных программах борьба с монархической властью представлялась как первоочередная задача, следовательно, насилие возрастало до самоценности, трансформируясь из абстрактных положений в конкретное его использование. Смелость, решительность, беспощадность по отношению к врагам (допуская случайные жертвы) – личностные качества, вытекающие из признания легитимным (по революционной логике) физического уничтожения оппонента как способа достижения народного счастья.

Пренебрежение человеческой жизнью входило в сознание революционных исполнителей как необходимость исторического момента, что получило продолжение в «красном терроре» во время гражданской войны. Данное ценностное отношение порождало чувство превосходства над остальными, позволяя ощущать себя вне досягаемости общественной морали. Решившийся на насилие совпадал с эталоном «героического», который тиражировался в виде мифов, легенд в оппозиционной среде и находил косвенное подтверждение в романных образах сверхчеловека. «Пусть террор. Пусть убийство. Пусть преступление. Пусть кровь. Если есть на земле правда, если в жизни не все неразумие и ложь, то призыв истины, тень справедливости в моей свободно избранной смерти». [7, с. 130].

Диссонанс общественного мнения и корпоративных принципов оппозиционной части российского социума оформил недоверие как качество, присущее героической личности, в котором раскрывается автономность существования, опирающаяся на незыблемость политических убеждений. Подозрительность ко всем не «своим» диктовалась выживанием революционного движения, постепенно переходя в стиль жизни. Закрытость не позволяла устанавливать свободную коммуникацию, она регулировалась партийными установками до готовности разорвать родственные, дружеские, любовные связи, руководствуясь партийными представлениями о должном, приобретала контекст героического. Преодоление эмоциональных привязанностей воспринималось как победа над личным и демонстрировало качества необыкновенного, освободившегося человека. Элитой революционных преобразований 1917 года и последующей гражданской войны являлась русская интеллигенция, которая осуществляла идейное руководство политическими процессами, направляла карательные органы, формировала новую мораль социалистического государства. Ее ценностное отношение было сформировано идейными принципами, представленными в русской литературе второй половины XIX века. Две тенденции в творчестве русских писателей столкнулись в ходе коренного переустройства общества: официозная – прославлявшая служение государству, царю и Отечеству, патриотическим традициям и национальному единству; оппозиционная – настроенная на разрушение государственной системы. Ценностные модели поведения революционной элиты сформировались под воздействием литературного художественного творчества, но кардинально различались в понимании «героического». Деструктивные черты революционного мировоззрения максимально проявились в неоправданной жестокости, беспощадности братоубийственных столкновений 1917–1921 годов и в дальнейшей истории государственного террора. Тысячи представителей

интеллигентского слоя, пройдя окопы Первой мировой войны, получили максимальные возможности для реализации культа революционного «героя». Творческие образы самых известных писателей – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, обращенные к духовности человека, оказались невостребованными в гражданском противостоянии. Специфика обособления революционной среды от социума, создание субкультуры со своими стандартами, эталонами, ценностными моделями поведения породила основания потенциального раскола в обществе и глубочайшего конфликта между гражданами.

Список литературы

1. Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века / С. А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
2. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. – М.: Советская Россия, 1980. – 448 с.
3. Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 т. / М. А. Булгаков. – М.: Антиква, 1991. Т. 1. – 212 с.
4. Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2 т. / С. М. Степняк-Кравчинский. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – 464 с.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина / Максим Горький. – М.: Правда, 1988. –Т. 1. – 572 с.
6. Толстой А. Н. Хождение по мукам / А. Н. Толстой. – М.: Советская Россия, 1977. – 736 с.
7. Ропшин В. (Савинков Б). То, чего не было / В. Ропшин (Б. Савинков). – М.: Русская книга, 1992. – 526 с.

Mironov A.V. The Image Of The "Heroic" In The Value Formation Of The Revolutionary Elite // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 144-152.

Abstract: the article considers the axiological mechanism of formation of opinion of the revolutionary elite. Analysis of the literary work allows to highlight the main value of the situation in the context of historical changes in Russia in the late XIX – early XX centuries. The image of the "heroic" is presented as the fundamental principle of the revolutionary world Outlook, revealing the relationship between the individual and the state. Corporate opposition environment defines a set of literary works, the heroes of which are perceived as a model for behavioral emulation. The direction of personal realization coincides with the spiritual principles presented in the popular at that time, the literature and forms the criteria for "heroic" in the public consciousness. The emphasis is on the specifics of value orientations in the revolutionary environment.

Key words: values, the revolutionary elite, heroic, civil strife, literary images, nihilism.

References

1. Ekshtut S.A. Povsednevnyaya zhizn russkoy intelligentsyi ot epohi velikikh reform do Serebryanogo veka [Daily Life of the Russian Intelligentsia from the Era of the Great Reforms to the Silver Age]. Moscow, The young guard, 2012, 428 p.
2. Chernyshevskiy N.G. Chto delat? Iz rasskazov o novykh lyudyakh [What to Do? from Stories about New People]. Moscow, Soviet Russia, 1980, 448 p.
3. Bulgakov M.A. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Antiqua, 1991, Vol. 1. – 212 p.
4. Stepyak-Kravchinskiy S.M. Sochineniya [Works]. Moscow, Fiction, 1987, Vol. 2. – 464 p.
5. Gorkiy M. Zhizn Klima Samgina [the Life of Klim Samgin]. Moscow, Pravda, 1988, Vol.1. – 572 p.
6. Tolstoy A.N. Khozhdeniye po mukam [the Road to Calvary]. Moscow, Soviet Russia, 1977, 736p.
- Ropshin V.(Savinkov B.). To, chego ne bylo [What Was Not]. Moscow, Russian book, 1992, 526 p.